

**Ирина Лазаренко
Тимур Максютов
Анастасия Парфёнова
Дмитрий Самохин**

ПРОРВАТЬСЯ К БАРЬЕРУ

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

Лазаренко, И., Максютлов, Т., Парфёнова, А., Самохин, Д.

Прорваться к барьеру / И. Лазаренко, Т. Максютлов, А. Парфёнова, Д. Самохин. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. – 358 с. – (Аква).

ISBN 978-5-517-02277-6

Когда надвигается смена эпох, мореходы Севера бросаются навстречу переменам и рискуют всем, чтобы покорить недоступные прежде барьеры!

Среди других людей идут по миру Аквы подростки-паранормы Фонбора, разлучённые с семьёй и друг с другом: Си, Тор, Цик и Пас.

Кому-то суждено попасть в рабство, а кому-то подняться в небо. Каждый из них по-разному и по-своему, постепенно меняет окружающий мир: сначала робко, потом уверенно и конце концов – как должное.

BIC FC
BISAC FIC009000

Тимур
Максютов

Багряный прилив

Глава первая. Белая тень

Океан – отец наш.

Старики рассказывают: давным-давно, когда мир был молод, а юное время несло в скачье, как годовалый же-ребёнок по горному луку, небесные Брат и Сестра полюбили друг друга. Страсть их была кровосмесительной, незаконной – но ведь и самого закона ещё не было, кто им судья?

От страсти той родились удивительные существа, звёздные дети: у каждого – по восемь лап, по три крыла и два клюва, один бок в чешуе, другой – в шерсти, спина в перьях, вдоль долгого хвоста – плавники, вместо головы – комок переплетённых щупалец; и были они огромными – в сто футов длиной, в двести – шириной.

Увидели Брат и Сестра порождение своей любви и ужаснулись; отпрянули друг от друга, отвернулись – и теперь бродят по пустому небу в одиночестве, не обнимутся, не перекинутся словечком.

Брошенные родителями, упали несчастные дети стыдной любви с горных высот на Акву, в сумрак и земную грязь; те, кто угодили на горы и пустыни, разбился насмерть. До сих пор горнознатцы, копая шахты и котлованы, находят следы той давней катастрофы – обломки скелетов гигантских существ необычного, странного вида. Умники из академий Бриза и Муссона охотятся за этими артефактами, платят живым серебром за мёртвые кости, обмеряют их, а потом корпят

ночами, сжигая в светильниках драгоценную ворвань галлонами, придумывают и рисуют силуэты древних драконов, когда-то населявших Акеу – да только всё это чушь, выдумки бездельников; мы-то знаем: не было никаких левиафанов в пёстром оперении, бродивших по колено в первобытных болотах – а лишь разбившиеся в пыль останки безумной любви.

Но некоторым порождениям Братца и Сестрицы повезло: они угодили не на сушу (которой, говорят старики, в прошлые времена было гораздо больше, да только усохла она, съёжилась, как кусок козловой кожи); не разбились, не умерли в мучениях – а упали в тёплые воды Океана. Отец наш, Океан, принял их, баюкал на ласковых волнах, словно в люльке дитя, кормил телом своим – планктоном, растил; и длилось это миллионы лет, а быть может, месяцы – ведь Время было совсем юным, ветреным, и то замифало на месте, то неслось стремительной чайкой; это сейчас Время устало от самого себя и бредёт еле-еле, словно старуха-нищенка; плывёт, как льдина из северных холодных вод – и тает, тает...

Когда звёздные подростки подросли, то пришли к отцу Океану и принялись жаловаться:

– Жизнь моя бессмысленна и несчастна, – говорил один, – я хочу воспарить в небеса, играть в пятнашки со звёздами, спать на мягких облаках; я мечтаю летать, ибо в этом – моё предназначение; но толстое брюхо, тяжёлый хвост, эти дурацкие плавники – зачем они? – мешают мне.

– А мне приснилось, – стонал второй, – что я покинул расплывающуюся, жидкую спину твою, отец: ведь она непрочна, ненадёжна, смешна. Я хочу жить на суше, на твёрдой земле; я хочу прятаться в прохладных пещерах, носиться в степных травах, вдыхая чудесный аромат цветов, а не эту вечную сырость. Зачем ты сделал меня таким неуклюжим и уродливым, зачем я живу в солёном бульоне, будто сваренный заживо?

– Это не я сделал вас такими, – растерянно сказал Океан, – я лишь принял вас, выходил и вырастил, не изменяя ничего в вашей природе: ведь я люблю вас такими, какие вы есть, потому что любовь заключается именно в этом.

– Ай, не слушайте их, – промолвил третий, – они просто неблагородные придурки, желающие странного и запретного. Гены такие, в мамашу и папашу.

Услышав эти слова, второй оскорбился и накинулся на третьего, принялся клевать его, бить хвостами и терзать лапами; и вскоре все звёздные дети дрались между собой, превратившись в воющий клубок ненависти; отец Океан пытался вразумить их ласковыми речами, нежно поглаживая тёплыми волнами – но паршивые дети не слушали разумных слов; тогда возмутился Океан, сердце его заколотилось; восстали ревущие волны до неба, засверкали молнии, заплясали смерчи; и случилась жуткая буря, которой не помнило даже Время.

Обезумевший ветер драл волны, срывал с них шапки бурунов и швырял в небо; солёные брызги достигали звёзд и застывали слезами на лицах Брата и Сестры; дикие водовороты ломали тела звёздных детей на части, обрывали кому крылья, кому – лишние лапы и плавники; и когда Океан успокоился, то увидел, что вместо одинаковых уродцев Акву населяют теперь самые разнообразные рыбы, птицы и звери...

Поэтому я и говорю, что Океан – отец наш.

Старый рыбак закончил рассказ, дунул на свечу – в хижине разлилась тьма, и лишь сквозь крошечное, в ладонь, окошко под потолком сочился бледный свет ночных светил: Брат и Сестра будто тоже слушали старую сказку, вспоминали и удивлялись былому.

Старик послушал, как сопят уснувшие внуки. Улыбнулся, на ощупь нашёл сумку с инструментом; обернулся на спящих – и замер: среди курчавых мальчишеских голов появилась ещё одна – беловолосая, девичья. Охнул, протёр глаза. Выдохнул:

– Показалось. Всякая ерунда мерещится.

Отодвинул полог из шкуры морского быка, заслоняющий проход, и вышел под звёздное небо.

* * *

Океан – кормилец наш.

В его тенистых глубинах прячутся огромные киты и могучие кашалоты; резвятся у поверхности косяки сельди, лежит на дне, неотличимая от пёстрой гальки, жирная камбала; несутся

резвые кальмары, жирные осьминоги задумчиво шевелят щупальцами, морской гребешок прячется в камнях. Только не ленись – будет добыча.

Но тяжёл труд рыбака.

Старые сети ломаются от соли; рвутся узелки, похожие на распухшие суставы старушечьих пальцев; сколько ни латай, а крупная рыба прорвёт сеть – и уведёт за собой на волю весь улов.

Увесистую острогу, мокрую и скользкую, трудно удержать, нелегко бросить метко; а попадёшь в спину – долго вываживать добычу, бороться с упорным обитателем моря, подтягивая линь по крохе, по дюйму.

Ждут рыбака мёртвая зыбь и жестокий шторм; отжимной ветер, когда гребёшь часами, спина отваливается от усталости, мозоли на ладонях лопаются кровавыми пузырями – а родной берег не приближается ни на фут.

Избитые волнами борта выдавшей виды лодки скрипят, стонут, жалуются; брызгают струйками щели между досками, сверкают в дневном свете капли – им развлечение, а рыбаку – беда: черпать кожаным ведром воду, править к берегу; надрываясь, тащить на песок тяжёлое судно, жечь костёр, смолить по новой борта – и смотреть из-под ладони, как другие вываливают серебряный улов из сетей, по колено стоят в рыбе, смеются – и вздыхать, завидовать.

Старый рыбак вспомнил, вздохнул – и тут же заругал себя: спасибо отцу-Океану, что жив остался, что полвека в море – а возвращался каждый раз, хотя всякое бывало: и разбивало лодку в щепки жестоким штормом, и свихнувшаяся косатка таранила судёнышко, приняв, наверное, за детёныша кита...

Шёл на свет костра, не спотыкался в темноте: тут каждый камешек знаком, каждая песчинка. Подходя, услышал обрывок рассказа:

– ...мореходы с Аквы ходили к Барьеру, едва спаслись. Завелась новая тварь, размером с трёх китов, злая Королева Океана. От её рёва валятся мачты, моряки сходят с ума, борта кораблей разьедаются, как гнилая рогожа; а твари морские, все до одной, слушаются её и поклоняются. А зовётся она Белой Косаткой.

Старик вошёл в круг света, усмехнулся:

– Брехня. Этим байкам нет конца; пока будем ходить в море – всегда найдётся выдумщик, трепло канатное. То осьминоги размером с дом, с щупальцами в тридцать ярдов длиной, то стаи летучих рыб-вампиров: мол, пролетают над водой по сотне миль, плавниками машут, что крыльями, ищут добычу, чтобы в харю вцепиться, кровь до донышка выхлебать.

Рассказчик, плешивый парень, охнул:

– Не слыхал. У кого, говоришь, те рыбы кровь пьют? Кого ищут?

Старик оскалился:

– Да болтунов ищут, на тебя похожих. Как заслышат, что врёт кто, туда и несутся, только крыльями шуршат.

Сидящие вокруг костра захохотали. Плешивый покраснел, набылчился, открыл было рот для возражений, да старик вдруг крикнул:

– Сзади!

Все замерли, плешивый шархнулся, оглянулся испуганно: пусто. Тихо спросил:

– Напугал, акулья печень. Чего сзади-то?

– Да показалось, будто те летучие рыбы уже тут, готовы в плешь твою вцепиться.

Опять заржали. Старик дал отсмеяться, сказал:

– Ладно, хватит трепаться. Рыба сама себя не поймает.

Под смех и работа веселее: дружно стащили лодку на воду, попрыгали, расселись на банках, разобрали вёсла, вставили в уключины. Гребли бодро, откидываясь на колени сидящего сзади; вёсла рвали тело моря, брызги сияли в свете Брата, как осколки хрусталя; шипела вода за бортом, лодка мягко покачивалась на малой волне. Старик сидел на корме, твёрдо держал руль, покрикивал:

– И – раз, и – два. Навались, ребята, до прилива надо успеть.

Отошли от берега на полмили. Старик одному ему известным путём вёл сквозь темноту; поёживался – ему было не по себе, будто в тишине, в спокойном море таилась непонятная угроза. Вида не подавал, лишь подумал: «Устал. Старость».

Наконец сказал:

– Место, песчаная банка под нами. Левая – навались, правая – табань. Да тише, спугнём! Всё, суши вёсла.

Лодка по инерции скользила неслышно, и рыбаки старались не шуметь: аккуратно вынимали вёсла из уключин, укладывали на дно. Старик подпалил фонарь, поплыл тяжёлый запах дешёвой ворвани грубой очистки; передал светильник. Плешивый расставил крепкие кривые ноги, упёрся в борта. Поднял над головой острогу. Так прошло минут десять: световое пятно проникало в прозрачную воду ярда на три и упиралось в песчаное дно; в свете суетилась рыба мелочь, с палец или два, а тот, ради кого устроили ночную рыбалку, не появлялся.

– Долго ждать-то? – пробормотал плешивый. – Руки затекли уже.

– Терпи, – тихо сказал старик, – он, чертяка, хитрый, осторожный. Старый уже, недаром большой такой, футов шесть. И весит пудов пять, не меньше. А сколько нынче мореходы за фунт дают?

Рыбаки шевелили губами, считая в уме, улыбались: цифры нравились, хорошие получались цифры.

Сколько ни жди, ни вглядывайся, а всегда неожиданно получается: в световом столбе, словно ниоткуда, возникло толстое пятнистое тело, едва пошевеливая плавниками.

Плешивый громко сглотнул и переступил затёкшими ногами; скрипнула банка: добыча в световом столбе замерла, насторожилась.

– Тихо, – зашипел старик.

Скрип от потревоженной банки не затих сразу – а будто пополз над водой, ускоряясь, набирая силу.

Словно отразившись от невидимого горизонта, скрип вернулся эхом – то ли шелестом, то ли вздохом: будто сам Океан очнулся от ночного кошмара и выдохнул.

В ледяном свете Брата и Сестры лица рыбаков казались мёртвыми, застывшими: будто покойники уселись в лодку и отправились – не на ночную охоту, нет – плыли в страну забвения, прощаясь с жизнью, светом, ничего уже не желая.

– О-о-ох, – вновь зашелестело над застывшей, замершей в ужасе водой. Мелко задрожали борта старой лодки; людей била ледяная дрожь, зубы их сжались, кожа покрылась пупырыми.

Плешивый закрыл глаза и выронил острогу: она скользнула, неслышно вошла в воду, вонзилась в посеревшее дно – будто не песок был там, а пепел.

Старик, вывернув шею, выпучив глаза, словно повешенный, пялился в море, не в силах отвести взгляд.

Тьма навалилась; ледяной ветер дохнул, словно из разворошенной могилы; страшная вонь разлилась, выедавая глаза, перехватывая дыхание; рыбаки сидели, не силах разжать пальцы, вцепившиеся в борта намертво, до хруста.

Из тьмы родился новый звук: частые всплески, словно хозяйка полощет бельё. И вздыбилась, выросла дуга: к берегу неслись бесчисленные киты, горбачи, кашалоты, дельфины, марлины...

Старик смотрел на это нашествие и словно видел горящие мукой глаза морской живности; или уже и не живности?

Всё громче всплески, всё ближе полчища перепуганных животных и рыб; вода вдруг вскипела от тысяч тел; заплясали бестолковые, обезумевшие волны.

Старик сел на банку, обхватил голову руками, не в силах слышать низкий вой, заполонивший весь мир, сводящий с ума море и небо; звёзды дёргались в конвульсиях, дрожали, падали мёртвыми светляками в воду; стофутковый кит-горбач с вытекшими глазами, со сползающей лоскутами кожей врезался в лодку, расшвыривая обломки, ошмётки тел; кусок планширя вонзился в его голову, но кровь не вытекала из раны – не было уже никакой крови.

Последнее, что видел старый рыбак: белое безглазое чудовище, погонщицу обезумевшего стада, плывущую в мёртвой тишине под умершим небом.

* * *

– Мда, – сказал Дукар яр Пассат, – тут и сотня мудрецов из Муссона растеряется. Ничего подобного не видел и не слышал, а я ведь уже двадцать лет как в морях, всякое бывало.

Сублейтенант, комендант фактории Пассата на острове Албрус, зажал нос платком и поэтому гнусавил:

– В Муссоне одни шарлатаны. Но, думаю, и яйцеголовые из академий Бриза такого не прописали в своих толстенных книжках. А всё почему?

– Почему, кузен?

– Потому что кто будет писать о такой дряни? Вырвет ещё.

Дукар хмыкнул. Сублейтенант туповат, как все выслужившие офицерский чин из солдат, без Академии, и видит лишь то, что видит: неимоверно смердящую Лазурную Бухту, берег которой завален тысячами трупов морских животных: китов, кашалотов, дельфинов, косаток. Тела расползаются, распадаются на части прямо на глазах: вон тот кит-гигант ещё пять минут назад громоздился огромной горой, а теперь – бесформенная гряда, превращающаяся в лужу.

А на невысоком берегу – склепы рыбацких хижин. Словно некая гигантская тварь провела колючим языком, сдирая крытые камышом крыши; в тех домах, что попали под него, не выжил никто. Трупы вытащили, положили в ряд; Дукар яр Пассат замер, глядя в обескровленные лица, искажённые мукой; вытаращенные белые глаза без зрачков, вывернутые в агонии шеи, изломанные руки, высунутые языки. Чудовищная смерть, тем более страшная, что причины её были непонятны.

Дукар вздрогнул: крайней лежала девочка лет десяти в белой сорочке, с белыми, цвета льна, волосами; она единственная в этом ряду не была изуродована: детское милое лицо, и – улыбка.

Дукар не мог оторвать взгляд. Улыбка была гораздо страшнее гримас боли и ужаса на лицах соплеменников: в ней таилась некая жуткая тайна. Неестественная, чужая, нечеловеческая улыбка.

Староста рыбацкой деревни содрал платок: сморщенное лицо, слезящиеся, разъеденные отравленным воздухом глаза.

– Четырнадцать тут лежат. И пятеро пропали без вести, они ночью на сома ходили. Шестого выбросило на берег, он при смерти. Бредит какую-то ерунду.

Дукар кивнул.

– Что же, пойдём послушаем. Да, кузен?

